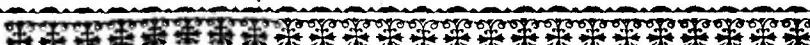

Голованенко С. А. Философия смерти и воскрешения [Рец. на:]
Федоров Н. Ф. Философия общего дела: Статьи, мысли и письма.
Т. 1. Верный, 1907; Т. 2. М., 1913 // Богословский вестник 1914.
Т. 1. № 4. С. 664–688 (3-я пагин.).

Філософія смерті і воскресіння.

(Проектivismъ Н. О. Федорова).

„Філософія общаго дѣла“ Николая Федоровича Федорова¹⁾ и съ виѣшней и съ внутренней стороны не можетъ быть названа системой въ обычномъ смыслѣ слова. Въ ней нѣть виѣшняго единства: это нестройный, пестрый рядъ статей, замѣтокъ. Въ ней нѣть внутренней ясности и законченности: это общий, еще нерасчлененный многозначный проектъ...

Мы намѣреваемся въ рядѣ очерковъ сдѣлать опытъ систематического изложения и критики религіозной філософіи Федорова. Въ настоящей статьѣ дается изложение общихъ религіозно-філософскихъ возврѣній Федорова и его возврѣній на сущность христіанства. Слѣдующая статья будетъ посвящена изложению возврѣній Федорова на сущность русскаго православія. Соответственно этому, критика, принципіальная и отчасти имманентная, естественно расчленяется на три части: въ трехъ дальниѣшихъ статьяхъ мы сдѣлимъ опытъ критики—религіозно-філософскихъ предпосылокъ Федорова (I статья), его возврѣній на сущность христіанства (II статья) и на сущность русскаго православія (III статья).

Смертная жизнь—основная категорія человѣческаго сознанія. всякая філософія втайне хочетъ быть філософіей истинной жизни: религіей или религіознымъ оглашеніемъ. Но та філософія, которая отстраняеть, или скрываетъ проблему смерти (*Memento vivere!*)—обрекаетъ жизнь на угасаніе, невольно становится вѣстникомъ смерти. Лишь „*memento*

¹⁾ Філософія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова, изданныя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. I, Вѣрный, 1907 г. (стр. XII+731). Т II, Москва, 1913 г. (стр. IX+473).

шогі“, приводящее къ побѣдѣ надъ смертью, раскрываетъ глубину и смыслъ истинной жизни.

Философія Николая Федоровича Федорова — философія смерти и, какъ истинная философія смерти, она хочетъ быть философіей бессмертной жизни, философіей религіозной, философіей христіанской, православной.

1. Философія общаго дѣла—призывъ къ дѣлу. Она еще мысль, но мысль жизненная, проективная. Бездѣльная мысль и безмысленное дѣло путь къ смерти. Къ смерти ведеть раціонализмъ, витающій въ сферахъ бездѣльной мысли. Къ смерти ведеть и мистицизмъ, бросающійся въ глубины, неосвѣщенныя мыслью. Всякій раціонализмъ—философія мысленной, мнимой жизни, идео-латрія. Всякій мистицизмъ—философія безмысленной и тоже мнимой жизни, идоло-латрія. И тутъ и тамъ служение подобію, отраженію жизни, ложносимволическое служеніе. Философія общаго дѣла хочетъ дать синтезъ раціонализма и мистицизма: жизненная мысль—призывъ къ дѣйствительной жизни, а не къ опьяненію (мистицизмъ), и не къ похмелю (раціонализмъ).

Жизнь въ трезвости, въ чистомъ вдохновеніи, гдѣ слово и дѣло одно, гдѣ нѣтъ только разъединяющаго мертваго свѣта (раціонализмъ) и только сливающаго мрака ночи (мистицизмъ). Философія общаго дѣла — философія трезвости: трезвый призывъ къ трезвому служенію дѣйствительной жизни.

2. Философія общаго дѣла—религіозная философія. Общее дѣло, родное и необходимое для всѣхъ—вѣчная жизнь, воскрешеніе. Религія и есть истинная философія жизни, воскрешенія. Науки и искусства, или служить ложной жизни, или служить только себѣ: они въ царствѣ подобій, отраженій жизни. Религія, какъ творчество жизни, какъ дѣйствительное жизне-служеніе, должна быть синтезомъ наукъ и искусствъ, указавъ имъ истинную задачу—общее дѣло воскрешенія дѣйствительной жизни. Сущность религіи не въ настроеніи мысли, не въ доктринахъ. Сущность религіи не въ настроеніи чувства, не въ эстетикѣ. Какъ религія отвлеченої мысли, такъ и религія слѣпого чувства путь къ смерти. Въ общемъ дѣлѣ объединяются и религіозный раціонализмъ и религіозная мистика. Догматъ—заповѣдь—долгъ сознательно-волящей личности, проектъ трезваго

нравственного дѣлания. Философія общаго дѣла—призывъ къ религії дѣйствительной жизни.

3. Философія общаго дѣла—философія христіанская. Христіанство — истинная религія. Христіанское Богослуженіе должно быть дѣйствительнымъ, а не мнимымъ. Какъ мимое, оно незамѣтно переходитъ въ идоло-служеніе. Долгъ всеобщаго воскрешенія становится требованіемъ метафорическаго воскресенія, воскресенія въ мысли. Таково протестанство. Оно идеолатрія. Въ католичествѣ, какъ проповѣди безмысленаго дѣла, дѣла мнимаго мистического воскресенія, дѣла не всеобщаго—идололатрія. Истинное христіанство—въ Православіи. Сущность христіанства — сущность Православія. Православіе — призывъ къ дѣйствительному Богослуженію, къ дѣйствительному, всеобщему, имманентному, а не символическому, частному, трансцендентному воскрешенію. И мысль, и чувство, и догматика, и мистика объединяются въ Православіи, какъ философіи воли (проективизмъ), философіи догмата-заповѣди (этика). Православіе — истинная философія смерти и воскрешенія. Въ немъ дѣйствительный синтезъ мысли и дѣла, наукъ и искусства.

Такова приблизительная схема религіозно-философскихъ возврѣній Н. О. Федорова, намѣчающая общій планъ дальнѣйшаго изложенія.

Философскія предпосылки.

Онтологическая предпосылка. Что такое жизнь и смерть? Содержание этихъ понятій не заключаетъ въ себѣ ничего запредѣльно-туманного, мистического: жизнь и смерть—обычная, естественная жизнь и обычная, естественная смерть¹⁾. Но смерть не изначальна. Изначальная жизнь. Жизнь—благо, единство неслитное и нераздѣльное. Жизнь — родство. Смерть— зло, множество смѣшанное и раздѣльное. Смерть—рознь. Побѣда жизни надъ смертью—въ уничтоженіи мировой розни, космического разобщенія, во вселенскомъ мирѣ²⁾. Таковъ общій смыслъ онтологической предпосылки. Ея конкретное содержаніе раскрывается въ понятіи человѣка и природы. Жизнь въ человѣкѣ. Смерть въ природѣ. Взаимо-

¹⁾ Философія общаго дѣла. (т. 1) стр. 287, 329, 434; (т. 2) стр. 190, 387.

²⁾ ibid. (т. 1) 79; (т. 2) 62, 407.

отношевіе человѣка и природы опредѣляетъ всѣ остальныя человѣческія отношенія.

Всѣ виды розни приводятъ къ исконному началу вражды—къ смерти, къ природѣ. Всѣ враги ничто въ сравненіи съ этой всеобъемлющей естественной немощью, съ врагомъ природой. Но вѣчной смерти нѣть, и природа врагъ временный, кажущійся, а другъ вѣчный ¹⁾). Смерть лишь смѣщеніе жизненныхъ началъ, она въ распадѣ живого единства, въ потерѣ цѣлостности. Человѣкъ смертенъ, потому что рабъ, а не хозяинъ природы, потому что смертна природа. Возстановить живое единство, заключить вѣчный миръ съ природой значить обладать ею, возвратить ей и себѣ бессмертіе, чистое сознаніе, стать разумомъ вещей. Миръ съ природой, какъ управление ею, положитъ конецъ всѣмъ формамъ міровой розни и небратства ²⁾.

Психологическая предпосылки. Жизнь и смерть, человѣкъ и природа лишь выраженія психологіи въ широкомъ смыслѣ слова. Подлинно психологическая характеристика придастъ этимъ понятіямъ всю глубину и все ихъ значеніе. Жизнь въ сознанії. Человѣкъ—существо сознающее. Смерть въ безсознательномъ, и природа—символъ всего безсознательного, слѣпого. Гдѣ сознаніе—тамъ живое единство, единство неслитное и нераздѣльное, тамъ соборъ личностей, всѣединство. Гдѣ безсознательное, тамъ умирающее единство, распадъ, единство слитное и раздѣльное, тамъ организмъ, всеединство. Человѣкъ—творецъ; его творчество зрячее, сознательно-волевое, творчество жизни: превращеніе смерти въ жизнь. Природа мощна; ея мощь слѣпая, безсознательная, мощь смерти: мощь органическаго рожденія. Торжество жизни, человѣка будетъ торжествомъ сознанія надъ безсознательнымъ, психократіей: органическое всеединство станетъ единствомъ личностей, всѣединствомъ, слѣпая, безвольная, рождающая мощь природы обратится въ зрячую, волевую, воскрешающую силу человѣка. Шока есть безсознательное, сознаніе раздроблено, одиноко. Обращеніе всего безсознательного въ сознательное—проектъ и символъ цѣлостнаго, всеобщаго, вселенскаго сознанія. Человѣкъ уже не сынъ смертоносной природы, не врагъ ея и не врагъ людей:

¹⁾ ibid. (т. 1) 203, 387, 431; (т. 2) стр. 20, 56, 172, 189, 248.

²⁾ ibid. (т. 1) 111, 340, 431; (т. 2) 47.

онъ сынъ человѣческій, членъ міровой семьи, всѣ-единства, другъ природы, сама просвѣтленная природа. Но такъ какъ жизнь—чувственная жизнь, то вселенское сознаніе не какое-то особое мистическое сознаніе, а обычное сознаніе, лишь просвѣтленное и углубленное¹⁾.

Гносеологическая предпосылки. Мысль—аспекти жизни, сознаніе жизни. Смертность основная категорія мысли. Но смертность состояніе, а не качество, существующее, но не должное. Торжество жизни будетъ торжествомъ бессмертной мысли, вселенское сознаніе бессмертнымъ познаніемъ. Всѣ гносеологическая категоріи, возглавляемыя обычно понятіями субъекта и объекта, лишь формы смерти. Рознь субъектъ-объекта,—это голосъ смерти, распадъ единства, месть безсознательной природы. Субъектъ сталъ созерцателемъ чужой, таинственной и непознаваемой имъ вещи, созерцателемъ своихъ мыслей-грезъ. Онъ замкнулся въ головь одиночествъ и ему грозить смерть отъ бездѣлья. Природа, брошенная на произволъ, предстала, какъ внѣшняя незнакомка, на что-то намекающая, какъ объектъ, вещь въ себѣ, какъ рождающая природа. И грязящій субъектъ спрашивается—“почему сущее существуетъ?” Между тѣмъ рознь времenna. Жизнь—нарушенный миръ. Онтологическая идея воскрешенія въ гносеологии становится проектомъ. Миръ не субъектъ и не объектъ, а проектъ. Не должно отдѣлять безкровной, игрушечной мысли отъ полнокровной, опасной силы природы, отъ объекта. Мысль и жизнь, субъектъ и объектъ должны объединиться въ проектъ, какъ разрѣшеніе вопроса: “почему живущее умираетъ?” Мысль—слуга жизни, проектъ вѣчной жизни²⁾.

Въ чемъ сущность проекта?

Въ общемъ дѣлѣ. Прежде всего, проектъ, какъ проектъ *дѣла*, выводить грязящаго, гносеологического субъекта изъ периода дѣтства, вместо игрушекъ, мысленныхъ подобий роднить его съ подлинной дѣйствительностью, съ объектомъ. Затѣмъ, проектъ—проектъ *общаго дѣла*. „Общее“ не только указываетъ на объединяющую функцию проекта, но и раскрываетъ природу объединенныхъ, природу самого проекта.

¹⁾ Философія общаго дѣла. (т. 1) стр. 66, 287, 289, 439, 447; (т. 2), 48, 326.

²⁾ ibid. (т. 1) 12, 287, 311, 537, 584; (т. 2) 69, 88, 98, 207, 294.

Общее дѣло—общее по цѣли и средствамъ. Всѣ сообща, а не по одиночкѣ, единый субъектъ знанія. Все, какъ есть, а не кое-что, единый объективъ знанія. Всѣ познаютъ все, всегда, и вездѣ, а не кое-когда, и не кое-гдѣ. Но знаніе—проектъ дѣла, знаніе того, что должно быть, знаніе жизненное. Логическая структура проективнаго знанія, очевидно, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ субъектъ-объективнаго знанія. Какъ воскрешеніе—торжество просвѣтленной жизни, такъ и проективное знаніе просвѣтлѣніе обычнаго, дробнаго знанія. Это просвѣтленіе въ открытии идеи общаго дѣла¹⁾. Бездѣльныя, мертвящія понятія становятся дѣловыми, жизненными и постольку общей гносеологической субъектъ лишь другое название соборнаго, вселенскаго, сознанія, всѣ единства.

Этическія предпосылки. Жизнь и смерть борются въ человѣческой душѣ. Чувство смерти не бѣглое переживаніе и не плодъ мысли. Оно выражаетъ все существо сознанія, охватываетъ и умъ и сердце и волю. Чувство смерти въ сознаніи сиротства, въ сознаніи разрыва между отцами и дѣтьми. Углубленное, оно приводить къ *познанію* причины сиротства въ природной слѣпотѣ. Природа—зло. Жизнь—благо въ единеніи съ отцами, въ побѣдѣ надъ зломъ, въ просвѣтлѣніи природы. Жизнь, и жизнь бессмертная, долгъ человѣческій, долгъ естественно-необходимый, внутренне-присущій. Исполненіе долга не въ *воздержаніи* отъ зла, грѣха, чувственности, не въ аскетизмѣ. Исполненіе долга не въ забвѣніи зла, въ мнимой побѣдѣ надъ нимъ, не въ мистицизмѣ. Содержаніе долга, какъ голосъ самой жизни, реальное, творческое, положительное, а не отрицательное. Торжество жизни, искупленіе грѣха въ побѣдѣ надъ чувственностью, въ искорененіи зла—естественнаго, природно-стихійнаго: въ *познаніи природы*. Этика—этика естественнаго долга, этика воли. Въ долгѣ, какъ и въ волѣ, живы и дѣйственны творческая мысль, творческое чувство, какъ мысль и чувство сыновнія. Но жизнь и смерть тутъ, тамъ, вездѣ. Зло общей врагъ. Сыновнее, сиротствующее сознаніе понимаетъ заложенный въ немъ долгъ, какъ общий. Этика—этика всеобщаго долга и всеобщей воли. Такъ какъ борьба со

¹⁾ ibid. (т. 1) 403, 421, 426, (т. 2) 45, 52, 54, 71, 128, 179, 201.

смертью естественная добродѣтель, то „всеобщность“ не понятіе и не мистическая сущность. Всеобщее—семейное, поскольку міръ одна семья, хотя и блудная. Исполненіе всеобщаго долга, высшее естественное благо въ *познаніи* природы, во всеобщемъ воскрешеніи¹⁾.

Соціологическая предпосылки. Смерть—наша естественная бѣдность. Лишь побѣда надъ смертью, надъ природой, принесетъ разрѣшеніе соціально-экономическихъ проблемъ, устранить вражду между городомъ и селомъ. Городъ—городъ смерти, блудная семья. Городъ не знаетъ грѣховной природы, городское сознаніе разрозненное, одиночное. Городъ, подобно грезящему гносеологическому субъекту, живеть собой, игрою мысли, производствомъ, подъ именемъ проишленности, игрушекъ и подобій. Сущность его фабрика. Село чувствуетъ вражду и дружество природы. Крестьянское сознаніе—семейное, мірское, общее. Село—земледѣльческое живеть на-міру для міра, чувствуетъ заповѣдь общаго дѣла, производить не игрушки, а хлѣбъ насущный. Городъ и село, ученые и неученые, богатые и бѣдные это все то же двойство человѣка и природы, сознанія и безсознательнаго, мысли и дѣла. Вопросъ о смерти вопросъ о городѣ: проектъ общаго дѣла воскрешенія—проектъ соединенія города и села, ученыхъ и неученыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Вѣдь, всѣединство—заповѣдь земного дѣланія, вселенское сознаніе—окрѣпшее земное, человѣческое сознаніе. Какъ проективное знаніе слово о дѣлѣ, призывъ, такъ городу принадлежитъ починъ объединенія съ селомъ. Но проективное знаніе слово о дѣлѣ, начало. И починъ города въ братской постановкѣ деревенскаго, земледѣльческаго вопроса, какъ вопроса о жизни, о воскрешеніи, починъ города въ проектѣ искорененія зла, смерти, т.-е. въ самоосужденіи, покаяніи. Городъ, село, *познавъ* природу, побѣдить смерть...²⁾

Всѣ философскія предпосылки отвѣ чаются на одинъ общий вопросъ: Всѣединство или всеединство, личность или вещь.

¹⁾ ibid. (т. 1) 22, 48, 93, 107, 111, 112, 139, 173, 244, 284, 303, 304, 309, 313, 315, 392, 400, 414, 442, 471, 515, 613, 726. (т. 2) 71, 80, 130, 142, 244, 272, 288, 310, 312, 331, 347, 406, 657.

²⁾ ibid. (т. 1) 9, 22, 43, 55, 74, 80, 84, 88, 253, 261, 277, 315, 326, 402, 409, 415, 422, 427, 446, 492, 507, 512, 550, 553, 608, 621, 690, 701, 707. (т. 2) 11, 94, 97, 174, 214, 272, 295, 296, 315, 316, 322.

образъ или подобіе... Какъ предпосылки філософскія—онъ отвлеченія: въ нихъ запечатлѣвается статика жизни, какъ бы профиль жизни.

Въ чёмъ самая жизнь,—динамика Всѣединства? Какъ раскрывается жизнь личности? Иначе говоря, въ чёмъ сущность религії?

Сущность религії.

Сущность религії въ богочеловѣчествѣ. Богочеловѣческій процессъ—процессъ воскрешенія. Такимъ образомъ, положительными религіозными понятіями являются: Богъ, человѣкъ и воскрешеніе.

1. Богъ—Жизнь. Онъ не вѣ міра: какъ жизнь, Онъ въ мірѣ, поскольку міръ—миръ. Богъ смерти не создалъ. Поскольку міръ смертенъ, во злѣ, постольку Богъ не имманентъ міру. Обоженіе міра, внѣдреніе родства—задача жизни, подлинное доказательство существованія Бога-Жизни. Вѣдь, Богъ не туманный идеаль, не мысль и не чувственный идолъ. Богъ—Жизнь, и откровеніе Бога сама жизнь, воскрешеніе, какъ побѣда жизни надъ смертью, а не голое уничтоженіе смерти. Въ чёмъ смерть, зло? Въ природѣ. Поэтому, не въ природѣ, а съ нами Богъ. Отсюда, Богъ не только Жизнь, Любовь, но Богъ живыхъ, Богъ любящій. Обоженіе міра—обоженіе природы чрезъ человѣка, воскрешеніе природы человѣкомъ. Въ откровеніи Бога, въ воскрешеніи нѣть ничего сверхъестественнаго, мистическаго. Это процессъ естественный, необходимый, явный. Что это такъ, будетъ видно изъ анализа второго основного понятія—человѣка.

2. „Съ нами—Богъ“. Что это значить? Вѣдь, человѣкъ—человѣкъ природы, онъ зараженъ ею извнѣ и изнутри. Вѣдь, „человѣкъ“ такое многозначное и пустое понятіе... Божеское въ человѣкѣ—сознаніе. Въ чёмъ сознаніе? Въ несліянномъ единствѣ, въ трудѣ. Трудъ дѣлаетъ человѣка, немощнаго природно, могучимъ. Трудовое, творчески-возсозидающее, а не даровое сознаніе—откровеніе Бога. Характеръ этого трудового, естественно-свободнаго сознанія выясняется въ „востанії“ человѣка. Человѣкъ принялъ „вертикальное положеніе“, это было началомъ сознанія, началомъ единства

я и не-я, откровениемъ Бога, началомъ Пасхи ¹⁾). Въ этомъ „востанії“ два момента: отношеніе къ природѣ и къ самому себѣ. Воставъ, человѣкъ охватилъ сознаніемъ природу, какъ цѣлое, узналъ ее и, узнавъ, вступилъ на свой царскій престолъ, управляя природою, какъ могъ. „Востаніе“ уже было началомъ естественно - необходимаго творчества, началомъ богочеловѣческаго процесса воскрешенія. Однако, трудовое творческое сознаніе утопаетъ въ безсознательномъ. „Востаніе“—отрицаніе смерти... Во имя чего? Человѣкъ—сынъ человѣческій, членъ семьи, рода вотъ положительная характеристика человѣка ²⁾). Сыновство—вотъ опредѣленіе трудового сознанія. Сынъ человѣческій „восталъ“ противъ природы, несущей голодъ, язвы и смерть. Богъ открывается въ сыновнемъ сознаніи. Богъ не только Богъ живыхъ: Онъ—Богъ Отецъ. Въ воскрешеніи торжество богосыновняго сознанія. Но человѣкъ—членъ рода. Онъ—сынъ своего отца, своихъ отцовъ. „Востаніе“ было печалованіемъ о смерти отцовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проектомъ воскрешенія. „Человѣкъ есть существо, которое погребаетъ“ вотъ раскрытие сущности сыновняго сознанія. Осознаніе сиротства, нанесенного смертью, породило жажду бессмертной жизни: вспыхнуло Богоознаніе, началось искупленіе первороднаго грѣха—безсознательнаго, невольнаго... Кладбище—место откровенія Бога, а не громы и молніи, не тихое вѣяніе вѣтра... Богоотчество и Богосыновство не мистически·постигаемое и не мысль. Богъ·Отецъ—Богъ отцовъ, Богъ предковъ. Сынъ погребаетъ отцовъ. Погребеніе—опытъ возвращенія жизни. Погребеніе—воскрешеніе естественное, богослуженіе дѣйствительное. Такъ мы приходимъ къ сущности сыновства, къ сущности воскрешенія ³⁾.

3. Сущность религіи, какъ дѣйствительнаго взаимообщенія Бога и человѣка, въ *культѣ предковъ*. Богъ не въ природѣ, и человѣкъ не рабъ ея; поэтому поклоненіе природѣ—идолопоклонство. Богъ не въ обычно·человѣческомъ сознаніи, не въ безсознательномъ, а въ *сыновнемъ* сознаніи, поэтому

¹⁾ Філософія общаго дѣла. (т. 1) 8, 79, 91, 100, 102, 276, 414, 456; (т. 2) 40, 240, 252, 260, 268, 270, 279, 394, 720.

²⁾ ibid. (т. 1) 458; (т. 2) 157, 158.

³⁾ ibid. (т. 1) 78, 94, 113, 138, 404; (т. 2) 158, 270.

дѣйствительное Богосознаніе—Богослуженіе не въ отвлеченій, мертвай вѣрѣ и не въ слѣпыхъ дѣлахъ. Воскрешеніе не мысленное пареніе и не мистическое погруженіе. Воскрешеніе въ культь предковъ. Въ культь предковъ высшая дѣйственность сыновнаго сознанія, истинная и естественная молитва. „Молитва—начало искусства. Это тео-антропо-ургическое искусство, которое состоить въ созданіи Богомъ человѣка чрезъ самого человѣка“¹⁾. Такая молитва и есть культь предковъ. Богъ не отвлеченнное, замкнутое въ себѣ единство: Богъ—Богъ предковъ. Молитва къ Богу не настроеніе мысли и чувства, настроеніе неопределенное, мистическое: общеніе съ Богомъ—общеніе съ предками. Молитва—молитва сына Бого-человѣческаго, но молитва не одинокая. Непосредственное общеніе съ Богомъ одинокой личности общеніе мнимое: мысленное, или мистическое. Личность—сыновня. Не только Богъ—Богъ отцевъ, предковъ, но и сынъ—сынъ отцевъ, предковъ. Молитва—актъ родовой, семейный, общее дѣло всѣхъ. Лишь въ сыновней молитвѣ—подлинно-непосредственное, дѣйствительное Богообщеніе. Вѣдь, богочеловѣчество—плодъ взаимообщенія семьи небесной и земной, а не во взаимо-общеніи Одинокаго Бога и одинокой личности. Религія родовая и находить въ культь предковъ свое молитвенное служеніе. Это одна сторона молитвы. Культь предковъ, какъ культь выражаетъ самое содержаніе молитвы, самую сущность воскрешенія, какъ Богослуженія. Молитва—культь. Она не „умная“ молитва и не сердечное настроеніе. Молитва-культь—актъ воли: въ ней и чистый умъ и дѣтское сердце, въ ней полнота любви, полнота вѣры и надежды. Любовь къ Богу обнаруживается въ служеніи дѣломъ. Кто любить предковъ, любить Бога. Безъ любви къ предкамъ любовь къ Богу мнимая. Дѣло любви—дѣло всеобщаго воскрешенія, дѣйствительнаго, а не мысленного, естественного, а не мистического. Въ культь предковъ вѣра и надежда любящихъ сыновъ на воскрешеніе отцовъ. Не мертвая вѣра и не мистическая надежда: вѣра и надежда на основѣ любви, на основѣ общаго дѣла воскрешенія²⁾.

¹⁾ ibid (т. 2) 239.

²⁾ ibid (т. 1) 46, 47. 96; (т. 2) 3, 16.

Итакъ, сущность религіи, какъ религіи воскрешенія, въ культе предковъ. Религія—религія рода, семьи—вотъ раскрытие природы личности, природы всѣединства. Но религія, какъ религія данного рода, какъ культь предковъ, многообразна. Вѣдь, родство, предки не какой-то таинственный сверхъестественный соборъ, не мистическая Церковь. Многообразіе религій естественное... Если чистое, сыновнѣе сознаніе идеаль, если жизнь еще смертна, то гдѣ истинный культь предковъ, истинное Богосознаніе? Христіанство— „религія Всеобщаго Предпріятія“, воскрешенія. Христіанство—истинный культь предковъ.

Сущность христіанства.

Триединство. Христіанство—жизнь... Полнота жизни запечатлѣна въ догматѣ Триединства. Христіанское ученіе о Триединомъ Богѣ объединяетъ язычество и іудейство: демоническое многобожіе и символическое единобожіе. „Нѣть иного Бога, кроме Триединаго, и воскрешеніе Его заповѣдь“¹⁾ въ этомъ все христіанство. Богъ—Вседержитель. Нѣть иныхъ боговъ. Но Богъ не одинокъ. Его чистый образъ не въ природѣ, но и не въ людяхъ. Благость, всемогущество, всевѣдѣніе исключаютъ и Одиночество Бога и любовь Его только къ земнымъ существамъ. „Словомъ, безъ Сына мы не можемъ представить себѣ въ Богѣ ни любви, ни вѣдѣнія, ни мощи, ни жизни. Съ Сыномъ же есть также любовь и разумъ, и сила, и жизнь, мы (сыны человѣческіе) легко поймемъ почему жизнь Отца неизсякаема, т.-е. почему эта жизнь бессмертна и вѣчна“^{2).}

Время и пространство—символъ дробности. Природное сыновство—вѣчное отреченіе отъ прошлаго, разрывъ, убывающій въ пустую бесконечность; сыновство—это отпаденіе отъ первопричины, порожденіе слѣдствій, хотяющихъ быть причиной. Сынъ Божій—вѣчный Сынъ. Онъ образъ Отца, Лицо Отца, Личность, не одинокая, а единосущная съ Отцемъ. Но Христіанскій Богъ не двуединый. Богъ—Богъ-

¹⁾ ibid (т. 1) 93.

²⁾ ibid (т. 1) 32, 64—66; 78, 100; 589.

Отецъ, Сынъ и Дочь-Духъ. Какъ въ Сынѣ чистое сыновнее сознаніе, такъ въ Духѣ—чистое дочернее сознаніе. Материнство, всегда природное, просвѣтляется въ дочеринствѣ. Всѣ—дочери, но не всѣ матери. Въ дочеринствѣ чистая, неискаженная мощь материнства. Какъ природное сыновство превращается въ природное и мимо-отчество, такъ природное дочеринство становится материнствомъ. Въ немъ еще власть зла, природы. Духъ Святый—образъ чистой дочери, Присно-дочери. Духъ Святый единосущенъ Отцу и Сыну. Онъ Ипостась, но не самосущая, потому что Отецъ, Сынъ, Дочь — Самопричина вѣчна, Троица единосущна. Какъ Отецъ—Отецъ Сына, всѣхъ сыновъ, такъ Духъ Святый Всѣ-дочь. Временно - пространственное, дробное дочеринство, по мѣрѣ родства всѣхъ сыновъ и дочерей, становится единственнымъ дочеринствомъ, объединяется неслитно и нераздѣльно съ Духомъ Божіимъ. Духъ Святый, Дочь — восполненіе Отце-Сыновства.

Отчество, Сыновство, Дочеринство, какъ полнота родства, какъ Божественная Семья—вотъ сущность Христіанскаго, Тріединаго Бога.

Тріединство качественно-иное единство, чѣмъ единство органическое: единство организма единство природное, безсознательное, даровое. Богъ открывается не въ природѣ, а подъ видомъ трехъ странниковъ. Онъ близокъ душѣ человѣческой, душѣ сыновней. Онъ Богъ Авраама, Исаака, Якова, Богъ предковъ. „Въ Богѣ отцевъ и Богѣ Тріединомъ заключается опредѣленіе религіи, какъ культа предковъ“.

Кто наши отцы? Первые люди въ райскомъ состояніи были сынами Отца Единаго. Не было смерти, не было рожденія и много-отчества, не было трансцендентнаго. Рость родословного древа—следствіе грѣха, предначертаніе смерти. Въ немъ, все таки, кроется Жизнь, потому что смерть времена. Предки, отцы, поскольку они отдаляются отъ Единаго Предка—Отца, символъ смерти, символъ разрушающей природы. Отсюда,—нехристіанская религія рода, проникнутая натуралистическими началами, поляны заблужденій. Нужно вычесть все стихійно-рождающее. Иначе семьи замыкаются: религія семьи становится ограниченной. Эта рознь, эта ограниченность признакъ не-истини. Тріединство, какъ обоженіе безсмертной Семьи, исключаетъ моментъ природ-

ный, слѣдовательно, всякую рознь, всякую ограниченность. Религія христіанской семьи—религія всемірная. Весь мір—семья, всѣ—сыны и дочери. Отчество, сыновство и дочеринство—вотъ чистая природа родового быта, рода, какъ сознательно-творческой единицы¹⁾. Поэтому и отцы, предки неслитны и нераздѣльны съ Троицей: гдѣ истинное отчесыновство, тамъ нравственная единица. Здѣсь уже преобразеніе рождающей силы: предки—Предокъ, отцы—Отецъ; и въ Тріединствѣ Небесная Церковь едина съ Богомъ Отцемъ. Въ Тріединствѣ предображеніе будущаго райскаго состоянія. Въ Безсмертной Семьѣ обожаются естественно-природныя, ограниченныя семьи, старо- и ново-іудейство (исламъ) и искусственно - природныя, универсальныя семьи, старо- и ново-язычество. Тріединый Богъ не одинокій и грозный Судія, Богъ пустыни и не Богъ низшихъ боговъ, Богъ городовъ, а Богъ просвѣтленныхъ семействъ, какъ единой всемірной семьи, какъ единороднаго сына. Но пока есть смерть, зло, діаволъ, пока есть природно-бессознательное, Тріединый Богъ въ міра, идеаль. Безсмертная Семья—образъ смертныхъ семей, единой смертной семьи. Она заповѣдь, а не мысль; Она проектъ общаго семейнаго дѣла: Богъ открылся людямъ въ образѣ Богочеловѣка.

Іисусъ Христосъ.

Міръ—блудная семья, искаженное подобіе Тріединства. Какъ Тріединство, такъ и сыновство выражаютъ сущность человѣческаго сознанія. Родъ всегда былъ основной формой жизни, но онъ былъ творчествомъ бессознательно - стихійнымъ, демоническимъ. Дохристіанскій міръ, дохристіанское не-братство и не-родство отлились въ формѣ іудейства и язычества. Іудеи помнили родство, и вѣрили, и надѣялись на свое природное происхожденіе. Они бессознательные, природныя сыны Авраама. Даровое родство вело къ покою, субботѣ, къ минимому сыновству. Язычники забыли старшихъ, забыли пра-языкъ, пра-отца и стали взрослыми дѣтьми, язычниками, отцами, т.-е. служителями слѣпой силы.

¹⁾ ibid (т. 1) 46, 57, 67, 69, 117.

Сыновство было отцеубийствомъ, потому что язычество форма жизни по типу природно-рождающего и смертного организма, а не по типу бессмертной Троицы... Іисусъ Христосъ пришелъ примирить іудеевъ и язычниковъ, просвѣтить природно-сыновнее, субботнее сознаніе и, мстящую за недѣланіе, безсознательную силу природы, безсыновнее сознаніе. Іудеи были сынами Авраама, язычники рабами природы. Первые—мнимыми сынами, вторые - - блудными. Имя Сына Человѣческаго было ненавистно и іудеямъ и язычникамъ. Оно отнимало первородство, звало къ трудовому сыновству, и обличало не-родство, отце-забвеніе, звало къ сыновнему осознанію безсознательной моши природы, къ пра-отцу. Іисусъ Христосъ называлъ себя Сыномъ Человѣческимъ по преимуществу. Какъ истинный Сынъ Человѣческій, для которого отцы были Отцемъ, Онъ былъ Сыномъ Божіимъ, Сыномъ Перво-роднымъ. Онъ пришелъ раскрыть Сыновнее сознаніе, искаженное и старшимъ и младшимъ сыновьями, пришелъ раскрыть истинную сущность Семьи¹⁾.

Іисусъ Христосъ—Сынъ Человѣческій. Первый, кто созналъ себя членомъ рода, сыномъ отцевъ и былъ сыномъ человѣческимъ. Но это сыновство несовершенолѣтнее и по содержанию и по формѣ. Сынъ былъ сыномъ *своихъ* отцевъ. Сыновнее сознаніе оставалось еще естественно-природнымъ, т.-е. демоническимъ. Эта примѣсь искажала смыслъ сыновства. По своей формѣ сыновство было ограничено естественно-природнымъ рожденіемъ, было сыновствомъ, не сознавшимъ не-братства и чрезъ это всѣ—братства. Іисусъ Христосъ—Сынъ Человѣческій не по природѣ—слѣпой, стихійно-бессознательной. Его Сыновство естественное, но сверхприродное, сыновство человѣческое, трудовое. Сыновнее сознаніе Іисуса Христа нераздроблено, а едино по глубинѣ содержания и безграничности формы. Оно—едино. Нѣть многихъ отцовъ, распавшихся причино-слѣдствій: дробное множество плодъ природы. Отчество, освобожденное отъ смертоносной силы природы, становится единымъ Отцемъ, великимъ, роднымъ Я, Бого-отчествомъ. Единство отцевъ, въ Отцѣ и есть неслитное, нераздѣльное единство сознанія. Сынъ человѣческій—Сынъ міровой семьи, Сынъ всѣ-человѣческій

¹⁾ Філософія общаго дѣла (т. 1) 11, 20, 84, 227; (т. 2) 39, 115.

и единственный Сынъ, потому что всѣ отцы—Отецъ, всѣ сыны въ совокупности — Сынъ. Сынъ человѣческій — въ Адама мѣсто. Такъ многообразіе и дробность естественно-природнаго сыновства становится Всѣ—единствомъ въ естественно-человѣческомъ сыновствѣ. И это сыновство, какъ всемирное, универсально по формѣ. Іисусъ Христосъ — Сынъ Человѣческій, какъ Сынъ всемірной Семьи¹⁾.

Іисусъ Христосъ — Сынъ Божій. Въ іудействѣ сыновство природное, посредственное, сыновство чрезъ предковъ: въ іудействѣ не сыны Божіи, а сыны Авраама. Въ язычествѣ отрицаніе отчества и сыновства, самообоженіе: въ немъ сыны природы, сыны міра сего, который во злѣ. Христіанское сыновство непосредственное. Іисусъ Христосъ—единородный Сынъ Божій, Богъ—Любовь. Его Богосыновнее сознаніе всемирно, оно включаетъ сознаніе посредственное (іудейство) и мнимо-непосредственное (язычество). Сынъ Человѣческій, какъ единый всемірный Сынъ, и есть Сынъ Божій. Онъ—Слово Божіе, а не безсознательно-рожденное существо, единосущіе Лицо, а не мнимое подобіе. Какъ чистый Образъ, Онъ исключаетъ всякое неравенство, всякое неродство. Но Богосыновнее сознаніе не есть что-то внутреннее, мистическое: въ немъ нѣтъ тайны. Оно все во внѣ, въ яви, въ дѣлахъ. Если сущность христіанства не въ отвлеченномъ учениі Іисуса Христа, а въ Его Личности, въ учениі о Немъ, какъ Сынъ Человѣческомъ, то Его Личность раскрыта въ дѣлахъ. Свидѣтели Его Богосыновства—не тайное общеніе съ Богомъ, не Само-свидѣтельство, а Его дѣла, явное обнаруженіе воли Божіей. Такой отвѣтъ данъ Самимъ Христомъ ученикамъ Іоанна, искавшимъ свидѣтельства Его посланничества²⁾. Богосознаніе Христа въ естественномъ любовномъ Отце-зрѣнїи. Его дѣла, дѣла любви въ управлѣніи природой и въ воскрешеніи человѣка. Іисусу Христу повиновались силы бѣсовскія, повиновались стихіи природы. Это повиновеніе не было хищеніемъ, не было чудесно-магическимъ. Христосъ не обратилъ камней въ хлѣбъ, отвергъ власть надъ природою сверхъестественную, власть не-знанія, чуда. Онъ Царь природы, но Царь, познающій ее, ея не-братство и со-

¹⁾ Ibid. (т. I) 66, 73, 139, 588; (т. II) 98.

²⁾ Ibid (т. I) 2, 78, 121, 258, 385; (т. 2) 10, 164.

дѣлывающій ее вѣчнымъ другомъ. Изгнаніе бѣсовъ, исцѣленіе, оживленіе, владычество надъ природою одинъ моментъ дѣла Христа. Это средство для просвѣтленія человѣческаго сознанія, для возстановленія всеобщаго мира среди сыновъ человѣческихъ, какъ сыновъ Божіихъ. Христосъ—господинъ субботы, а не только разрушитель зла, разрушитель субботы. Какъ господинъ субботы, „Христосъ—Воскреситель“. Всѣ дѣла Его ступени одного, всеобщаго дѣла—дѣла воскрешенія. Высшее выраженіе Богосъновства не въ насыщеніи людей и не въ изгнаніи бѣсовъ, а въ Воскрешеніи Лазаря. Это—„чудо дружелюбія“, чудо родства всѣхъ и всего. Побѣждена природа смертоносная. Побѣжденъ діаволь.

Проповѣдь Христа была проповѣдью воскрешенія по образу Троичнаго Единства. „Да вси едино будутъ, какъ Ты, Отче, во мнѣ и Я въ Тебѣ, да вси въ Насъ едино будутъ“—вотъ „святѣйшая и священнѣйшая молитва“ Сына Человѣческаго и Сына Божія. Единство—единство на основѣ познанія небратства природы. Его дѣйствительная глубина и всемирность выражаются во всеобщемъ братствѣ, въ жизни со всѣми и для всѣхъ, въ воскрешеніи всѣхъ братьевъ, всѣхъ друзей—Лазарей. Воскрешеніе, какъ и Богообщеніе, не тайна, не настроеніе мысли, не воскрешеніе потустороннее. Лазарь, братъ нашъ, воскресъ! Это явная, естественная побѣда надъ смертью, надъ грѣхомъ, надъ природой. Въ воскрешеніи Лазаря явилась себя Мессія-Воскреситель, открывъ смыслъ и цѣль жизни. Это „великое событие“. Лазарь и Виенанія вотъ завершеніе жизни Іисуса Христа. Крестъ и смерть были местью Мессіи-Воскресителю, непріятіемъ воскрешенія¹⁾). Какъ воскрешеніе Лазаря, такъ и Виенская великая вечеря, предсмертная, явная, вечеря Елеосвященія выражаютъ дѣло Христа. И тайная вечеря—вечеря Євхаристії была предсмертной заповѣдью, завѣщаніемъ Отходящаго... „Христосъ, соединивъ при своемъ отществіи поми-новеніе, или любовь къ Себѣ (что значитъ, ко всѣмъ отшедшимъ) съ питаніемъ, съ тѣмъ, что даетъ жизнь и силу на трудъ, заповѣдалъ собрать всѣхъ живущихъ къ этой вечерѣ любви, любви къ Нему, какъ ко всѣмъ умершимъ, такой любви, которая отдаетъ всѣ силы любви для того, чтобы

¹⁾ Ibid (т. I) 5, 33, 36, 138, 140, 290, 309, 599, 604; (т. 2) 5, 7, 17, 27, 28, 377.

увидѣть и услышать Его со всѣми отшедшими¹⁾). Какъ Сынъ всего міра, Онъ пришелъ спасти всѣхъ, потому что всѣ дѣти единой семьи, всѣ необходимы. Не фарисеи и мытари, а „преступникъ-душегубъ—воплощеніе всѣхъ грѣховъ несчастнаго человѣчества, первый вступилъ въ рай“. Спасутся фарисеи и мытари. „Остался только Іуда, но вѣдь Іуда раскаялся“...²⁾). Христосъ умеръ отъ руки тѣхъ, кого Онъ пришелъ спасти. Какъ Сынъ Земли и Неба, сынъ всѣхъ отцевъ, Онъ сошелъ въ адъ. „Усыновленіе и есть нисхожденіе души въ могилу предковъ, спогребеніе“³⁾). Христость воскресъ! Воскресъ Воскреситель... Должно было послѣдовать воскрешеніе всѣхъ Лазарей. Вина умерщвленія Воскресителя, вина не-воскресенія—вина человѣческая... И Христосъ, какъ бы поруганный, вознесся на небо. И, если люди не станутъ сынами Богочеловѣческими, Онъ придетъ, какъ Страшный Судія... Но „воскресающу Тебѣ, Господи, начинается служеніе Троицы“, трудъ человѣческій⁴⁾.

Воскресеніе Христово неотдѣлимо отъ всеобщаго воскрешенія. „Ибо Христосъ воскрѣсть для воскрешенія всѣхъ Лазарей, всѣхъ умершихъ и даже враговъ своихъ, какъ бы своихъ друзей, такъ что воскрешеніе Лазаря есть завершеніе всей предшествующей жизни Христа, равно какъ и всей прошлой жизни человѣчества, бывшей приготовленіемъ къ жизни Христовой, тогда какъ вся будущая жизнь рода человѣческаго должна быть продолженіемъ воскрешенія Лазаря, т.-е. воскрешеніемъ всеобщимъ“⁵⁾). Во всеобщемъ воскрешеніи полнота христіанства, истинный культъ предковъ, потому что воскрешеніе, какъ прямая очевидность, высшій критерій Жизни-Истины.

Сынъ Человѣческій—Сынъ Бога Любви, Любовь. Высшій подвигъ любви, святѣйшее общее дѣло и есть всеобщее воскрешеніе. „Христосъ-Воскреситель“ самое всеобъемлющее, существенное обозначеніе личности и дѣла Христа. Единение, примиреніе, спасеніе, оправданіе лишь моменты воскрешенія. Сущность Богосыновства, сущность воскрешенія вы-

¹⁾ Ibid (т. 2) 133.

²⁾ Ibid (т. I) 11, 29; (т. 2) 30.

³⁾ Ibid (т. I) 219.

⁴⁾ Ibid (т. I) 11, 25, 66, 118, 258; (т. 2) 27; (т. I) 140.

⁵⁾ Ibid (т. I) 46; (т. 2) 28.

ражена въ символѣ Самого Христа: „Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. (Крестяще, т.-е. очищая отъ грѣховъ, въ наказаніе за которые явилась смерть, по требованію многоединства, или всѣединства)“¹⁾). Тріединство—образъ и подобіе, заповѣдь человѣчеству—цѣль. Наученіе, т.-е. познаніе не-братства природы и родства всѣхъ—средство.

Царство Божie. Христіанство не міро-созерцаніе и не міро-пониманіе, а миро-твореніе. Заповѣдь Тріединства—заповѣдь всеобщаго мира, Царства Божія. Миръ въ Богословствѣ, Богословство въ воскрешеніи.

Сущность Тріединства во взаимознанії, въ любви. Мірская жизнь—юридическая, государственная, жизнь по типу безсознательного, слѣпого взаимоподчиненія, нисходящаго до общаго рабства природы: жизнь по типу организма. Заповѣдь Тріединства, какъ заповѣдь взаимознанія, взаимопомощи, не исключаетъ мірского, свѣтскаго, а преображаетъ, одухотворяетъ его: земля становится Небесной. Богъ Отецъ и Богъ предковъ это церковь Безсмертныхъ, Небесный Соборъ. Одухотвореніе земли—пришествіе Царства Небеснаго, внутренне-творческое, имманентное. Церковь Небесная въ Бого-отчествѣ и Богословствѣ: Отецъ—Отецъ Единороднаго Сына, Отецъ предковъ. Церковь земная—разно-родная. Природное Сыновство преображается въ Богословствѣ, примиряется съ Церковью Небесною, становится Безсмертнымъ. Царство Божіе, какъ общее дѣло, и есть одухотвореніе Церкви земной, царство небесно-земное, Бого-человѣческое. Богословство земли, какъ родство, какъ всебратство является выражениемъ побѣды надъ царствомъ міра сего, раздробленностью, зломъ. Въ Христіанствѣ, по заповѣди Тріединства—осуществленіе истинно-родового начала, семейного объединенія природы и человѣка въ сыновствѣ, чрезъ сыновство—объединеніе всѣхъ людей, сыновъ земли. Христіанство, какъ Богочеловѣческое единство, какъ Царство Божіе—единство духовно-свѣтскаго, свободно-природнаго^{2).}

Не Іудея и Самарія, а вся земля, все небо храмъ Троицы, міровой храмъ. „Царство Божіе есть большое дерево,

¹⁾ Ibid (т. I) 400; (т. 2) 12.

²⁾ Ibid (т. I) 133, 420, 631.

весь міръ покрывающее своими вѣтвями, проникающее во всѣ захолустья: отъ сѣвера и юга, востока и запада придутъ и займутъ място за трапезою¹⁾). Небо не мистически-созерцаемое небо, а безграницыя небесныя пространства. Земля не одинокая, оторванная отъ цѣлаго земля, а міровое, небесное тѣло, кладбище, а не жилище. Царство Божіе, естественное небесно-земное всѣединство начинается объединенiemъ живущихъ для воскрешенія умершихъ. Блага Царства Божія, какъ дѣла мира и любви, какъ исполненіе пятой заповѣди, во всеобщемъ воскрешеніи²⁾). Во всеобщемъ воскрешеніи смысь „закона и пророковъ“. Всеобщее воскрешеніе, какъ продолженіе Воскресенія Христова, и приведеть къ небесно-земному всѣединству. „Всеобщее же воскрешеніе, воскрешеніе имманентное всѣмъ сердцемъ, всею мыслью, всѣми дѣйствіями, т.-е. всѣми силами и способностями всѣхъ сыновъ человѣческихъ совершающее и есть исполненіе этого завѣта Христа—Сына Божія и вмѣсть Сына Человѣческаго“³⁾). Царство Божіе, какъ всемирное дѣло всѣхъ людей, общее, а не одиночное дѣло. Оно дѣло а не мысль, оно достигается трудомъ. Какъ воскрешеніе, Царство Божіе не исключаетъ лишь зло, а побѣждаетъ его. Поэтому Оно не только на небѣ и не только на землѣ. Оно, имманентное, пока, по винѣ человѣческой, транспендентно, какъ неисполненная заповѣдь. Природа— зло. Царство Божіе не въ плоти и крови, не въ нась, а въ духѣ и истинѣ, но не внутри нась. „Царство Божіе могло бы быть и было бы внутри нась, если бы не было зла въ нась и если бы эта външняя сила не вынуждала бы дѣлать зла“. Рознь внутренняго и външняго, человѣческаго и природнаго и есть грѣхъ, корень зла... Духъ и Истина тамъ, гдѣ внутреннее външне, идеальное реально, духовное осязаемо. Царство Божіе, какъ служба Богу въ Духѣ и Истинѣ, служба всей душою— Царство познающихъ не-братство для осуществленія всеобщаго родства. Признать Царство Божіе внутреннимъ, или външнимъ, значить признать за благо смерть, природу, разъединяющую всѣединство⁴⁾.

¹⁾ Ibid (т. I) 288.

²⁾ Ibid (т. I) 14, 32, 52, 53, 168, 274, 564.

³⁾ Ibid (т. I) 32.

⁴⁾ Ibid (т. I) 29, 275, 420; (т. II) 173, 174, 369, 415.

Итакъ, Царство Божіє въ родствѣ, всѣдніствѣ. Оно—плодъ всеобщаго труда сыновъ человѣческихъ. Въ чёмъ родство? Быть какъ дѣти... „Вся нравственность первыхъ з-хъ евангелій заключается въ томъ, чтобы обратиться въ дитя, родиться сыномъ человѣческимъ, совершенно невѣдающимъ земныхъ отлихъ и, напротивъ, глубоко-сознающихъ внутреннее родство, желающимъ служить, а не господствовать“¹⁾). Дѣтскость и есть исполненіе заповѣди Іисуса Христа о Троичномъ единствѣ. Эта заповѣдь выражается въ требованіи „возвратить сердца сыновъ и дочерей ихъ отцамъ и матерямъ“ (Лук. 1, 17). Для дѣтей всѣ братья, свои, весь міръ—родной. Въ дѣтствѣ непосредственно—дѣйствію сознаніе сыновства и сознаніе общаго долга предъ отцами, какъ предъ единствомъ отцемъ. Дѣтскость, не знающая розни, залогъ истинной любви и истиннаго знанія. „И такъ, дѣтскій возрастъ опредѣляется *внѣшне*—дѣйствіемъ объединяющихъ и бездѣйствіемъ разъединяющихъ причинъ, а *внутренне*—сознаніемъ родства и чувствомъ смертности“... Царство Божіє—царство дѣтей, какъ царство всѣ—отеческое, Бого-сыновнє. Любовь и знаніе исключаютъ несовершенолѣтніе. Взрослые духовно несовершенолѣтні, поскольку родство превращается въ юридическая отношенія. Несовершенолѣтніе въ игрѣ, въ игрушкахъ. Жизнь не по заповѣди Единства есть *подобіе* жизни, игра въ жизнь. Царство Божіє, какъ всеобще-трудовое, царство совершенолѣтнія. Оно не настроение мысли и чувства, не созерцаніе подобій, а дѣло²⁾). Въ чёмъ трудовой характеръ Царства Божія, въ чёмъ любовь и знаніе?

Іисусъ Христосъ не только управлялъ стихіями, но, благословляя клянущихъ, преображалъ все стихійное, природное. Царство Божіє въ силѣ *познающей*, преображающей любви, разрѣшающей вопросъ о неродственности, вопросъ о злѣ. „Объединеніе всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой *внѣшней* силы и уничтожить то зло виѣ насъ, которое препятствуетъ водворенію Царства Божія внутри насъ“³⁾.

¹⁾ ibid (т. 1) 59.

²⁾ ibid. (т. 1) 60.

³⁾ Філософія общаго дѣла. (т. 1) 11, 30, 36, 42, 59, 60, 73, 96, 164, 276. 420; (т. 2) 16, 48.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 389.

Природа—извращение образа Божія, общій врагъ. Царство Божіе, любовь, просвѣтляющая природу, благословляющая врага, какъ вѣчнаго друга—плодъ дѣла общее, дѣла *познанія*. а не чуда. Борьба одиночная, одиночное мистическое обоженіе, надежда на даровое, трансцендентное воскрешеніе все это лишь символическое, не—дѣйствительное обоженіе. Трудъ объединяетъ. Всѣ работники и работники равные, когда бы кто ни пришелъ. Молитва о даровомъ наслѣдованіи Царства молитва несовершеннолѣтняя, не по заповѣди Христа. *Всѣ спасутся, всѣ воскреснутъ*: всеобщее воскрешеніе и есть всеобщее спасеніе, есть пришествіе Царства Божія въ силѣ, обновленіе неба и земли. Вѣдь, заповѣдь ново-завѣтная: „изъ земли возвращенъ будеши“, а не „въ землю отъидеши“ (в. завѣтъ¹⁾). Но если Сыны Человѣческіе не объединятся для дѣла всеобщаго воскрешенія, если они не со знаютъ, что Царствіе Божіе—Божіе велѣніе, а человѣческое исполненіе, то тѣмъ самимъ станутъ сынами антихриста, розни²⁾. Тогда наступить всеобщее, *трансцендентное воскресеніе*, воскресеніе Суда. Судъ страшенье не только для грѣшниковъ, но и для праведниковъ. Одиночкіе праведники будутъ мучиться, созерцая муки братьевъ своихъ. Это вина неродства, слѣдствіе отдѣленія настоящаго отъ прошлаго и грядущаго, пламя адское. Это искупленіе за грѣхъ не-дѣланія и дѣланія одиночнаго. Это путь къ вѣчной смерти³⁾. Но пророчества условны, какъ ветхозавѣтныя (Церемія 18, 7; Йоиль 11, 13, 14, Йона), такъ и новозавѣтныя. Они взываютъ къ дѣлу. „Итакъ бодрствуйтѣ“. „Имѣй уши слышати, да слышатъ“. Христіанство не фаталистично. Притча о Лазарѣ и богачѣ—предостереженіе. Она раскрываетъ то, что будетъ, если люди не воскресятъ сами себя⁴⁾. Смерть не вѣчна. Христіанство не знаетъ ада, а знаетъ лишь чистилище. Послѣ Страшнаго Суда, всемирной Голгоѳы, наступить Все мирная Пасха, всеобщее воскрешеніе. И такъ, сыны свободны. Имъ дана заповѣдь Тріединства, открыто Царство Божіе, открыть всеобщій долгъ. По заповѣди Сына Божія они, какъ

¹⁾ ibid. (т. 2) 41; (т. 1) 262, 342, 418, 440, 441; (т. 2) 237, 211.

²⁾ ibid. (т. 1) 65; (т. 2) 211.

³⁾ ibid. (т. 1) 65, 66; (т. 2) 15, 17, 42, 214.

⁴⁾ ibid. (т. 2) 15, 22, 214.

Сини, должны быть творцами Царства Божія, дѣлателями общаго дѣла воскрешенія. Они, дѣти Отца Небеснаго, могутъ стать рабами природы, смерти, отречься отъ всеобщаго долга. Они, дѣти Отца Небеснаго, могутъ уклониться отъ царствен-наго пути, забывая о смерти, забывая о всеобщности долга. Если сыны не воскрешать отцевъ, то Отець Небесный вос-кресить блудныхъ сыновъ не для воскрешенія, а для Страш-наго Суда и воскресенія. Настанетъ ковецъ міра по нашей винѣ. Христосъ, по винѣ блудныхъ сыновъ вознесшийся, явится грознымъ мздовоздателемъ. Если сыновнее сознаніе—сознаніе Земли не хочетъ стать міровымъ сознаніемъ, Бого-сознаніемъ добровольно, Богоданными общими силами, то ключи Царства Божія будутъ отданы другимъ. Но, нѣкогда, земное сознаніе, искушивъ вину гордости одиночества, свое-вольного служенія, станетъ Сыномъ Царства Божія, какъ Царства небесно-земного, Богосыновняго. Царство Божіе—Царство не отъ міра сего и царство міра сего будутъ едины во всеобщемъ мирѣ...

Историческое христианство.

Іисусъ Христосъ воскресиль одного Лазаря, брата Марыи и Маріи, Лазаря изъ Виѳаніи. Но остались мертвыми Лазари—всемірные іudeи и всемірные язычники, лазари всѣ—братья. Іисусъ Христосъ воскресь, но возиessя отъ земли. Онъ заповѣдалъ, чтобы блудные сыны, распявшиіе своего истиннаго брата—Сына Человѣческаго, стали Сынами Божіими. Онъ послалъ Духа Утѣшигеля, который сходитъ на всѣхъ сыновъ человѣческихъ. „Евангеліе—не закрытая и незакон-ченная книга“...¹⁾ Евангеліе Сына Человѣческаго, Евангеліе Царства Божія—вѣчно, всемірно. Начатое, по заповѣди Начинателя, должно быть совершено всѣми сынами человѣ-ческими. Они должны воскресить всѣхъ отцевъ, всѣхъ братъ-евъ: они подобны Сыну Человѣческому. Въ жизни и дѣлѣ Іисуса Христа есть вѣчное и временное. Вѣчна заповѣдь Тріединства, заповѣдь всеобщаго воскрешенія. Временны формы исполненія этой заповѣди. Іисусъ Христосъ жилъ въ

¹⁾ Філософія общаго дѣла. (т. 1) 288.

Палестинѣ, но вездѣ Іерусалимъ и Голгоѳа: повсюду должны быть и отвалены камни отъ гробовъ. Иисусъ Христосъ избралъ сначала 12 апостоловъ, а потомъ 70. Жизнь создаетъ содержаніе и формы апостольства¹⁾. „Страждущій и воскресшій Христосъ есть типъ всѣхъ людей, сыновъ человѣческихъ“²⁾. Христосъ-Воскреситель, христіанство — религія всеобщаго воскрешенія вотъ въ чёмъ Евангеліе вѣчнаго мира.

Пока люди разъединены, смертны, они не могутъ до конца понять догмата Тріединства, долга всеобщаго воскрешенія. Миръ не можетъ вмѣстить всемірнаго Евангелія. Съ жизнью Христа начинается историческое христіанство, раскрытие вѣчнаго Евангелія въ Евангеліяхъ. Вся исторія христіанства есть творческое раскрытие вѣчнаго Евангельского смысла. „Вся исторія съ явленія Слова Божія, этого „Рече“ есть ничто иное, какъ совершающееся, но незавершенное еще „Быть“...“³⁾ Въ сознаніи учениковъ Иисуса Христа смыслъ общаго дѣла раскрывался постепенно. Евангелія Апостольскія уже отражаютъ сыновство учениковъ Христовыхъ, уже дѣянія апостольскія; въ нихъ дальнѣйшее раскрытие вѣчнаго Евангелія, творческое воспріятіе жизни и дѣла Христа. Въ Синоптикахъ—благовѣстіе Сына Человѣческаго о Богѣ отцевъ, заповѣди новозавѣтныя. Въ Евангеліи отъ Іоанна—благовѣстіе Единосущнаго Сына Божія о Небесномъ Отцѣ, исполненіе заповѣдей. Въ Евангеліи отъ Іоанна полнота раскрытия вѣчнаго Евангелія, сознаніе его вѣчности. „Евангеліе отъ Іоанна есть ученіе о дѣлѣ Божіемъ... именно потому оно и начинается ученіемъ о Словѣ Божіемъ“⁴⁾. Вѣдь, истинное Слово есть проектъ объединенія въ дѣлѣ воскрешенія.

Въ перво-христіанствѣ, запечатлѣнномъ въ Евангеліяхъ и Посланіяхъ Апостоловъ, живеть вѣчное Евангеліе Христа. Въ юной церкви былъ одинъ духъ, чувствовалось единство умершихъ и живыхъ: было крещеніе ради мертвыхъ (Кр. XV, 29). Чувство дѣтское, чувство непосредственнаго родства ждало скораго конца міра. Въ бездѣятельномъ ожиданіи и

¹⁾ ibid. (т. 1) 229.

²⁾ ibid. (т. 1) 414.

³⁾ ibid. (т. 1) 140.

⁴⁾ ibid. (т. 1) 11; (т. 2) 82.

въ дѣяніяхъ апостольскихъ уже сказывается инородный, не Евангельский духъ. Даже среди апостоловъ начались раздѣленія. Церковь забываетъ, что должна примирить всѣхъ—иудеевъ и язычниковъ, рѣшить, какъ и Сынъ Человѣческій, Восточный вопросъ. Она колеблется: съ іудеями іудействуетъ, съ язычниками язычествуетъ. Вина Вознесенія Господня не искупляется; христіанство становится жизневозрѣніемъ, а не искупленіемъ, ученіемъ, а не дѣломъ¹⁾.

Историческое христіанство не осуществило общаго долга: оно исказило заповѣдь собиранія и дѣланія. Христіанство было воспринято, какъ религія чувства. „Христіане служили Богу всѣмъ своимъ чувствомъ, но не всею мыслью и знаніемъ. Христіанство рождалось, но не возсоздавалось“.²⁾ Символъ Христа „шедше научите вся языки“ былъ замѣненъ апостольскими символами, символами Церкви³⁾. Крещеніе во имя Троицы безъ наученія, безъ дѣйствительнаго оглашенія—воспитанія стало символическимъ, магическимъ.⁴⁾ Причины не-братства оставались непознанными. Дѣйствительное воскрешеніе безъ знанія превратилось въ воскрешеніе чувствъ, въ мистическое воскресеніе. Такимъ образомъ, смысьль объединенія и воскрешенія стала затемняться. Жизнь стала проникаться началами мірскими, вносящими рознь и зло. Вместо родства и взаимознанія виѣшній строй, іерархія. „Нравственность замѣнилась каноническимъ правомъ, внутренняя связь виѣшнею организациєю, Церковь устроилась по образу государства, а политическая столица сдѣлалась и церковнымъ средоточиемъ“⁵⁾. Царство Небесное не только сливалось съ земнымъ, но подмѣнялось имъ. Эта подмѣна Царства Божія царствомъ земнымъ, единства Неба и Земли всемирно-государственнымъ единствомъ и была исторіей Западнаго Христіанства, исторіей католицизма. Христіанская заповѣдь единства и воскрешенія превратилась въ догматъ и обрядъ.

Восточное христіанство внесло мечъ раздѣляющій между Царствомъ Небеснымъ и земнымъ и единство ихъ истолко-

¹⁾ ibid. (т. 1) 36, 149, 150.

²⁾ ibid. (т. 1) 232, 337.

³⁾ ibid. (т. 1) 11, 229.

⁴⁾ ibid. (т. 2) 106, 151, 230.

⁵⁾ ibid. (т. 1) 158.

вало мистически. Оно отошло отъ жизни. Христіанское творчество стало творчествомъ мысли, „непрерывнымъ теологическимъ диспутомъ“; дѣло—мистическимъ спасенiemъ. Творчество мысли вошлотилось въ Символѣ вѣры, а дѣло въ символическомъ, обрядовомъ богослуженіи...

Логосъ—проектъ объединенія, проектъ всемирного собирания всѣхъ сыновъ для воскрешенія всѣхъ отцевъ¹⁾). Исторія христіанства, особенно Византійскаго—исторія Логоса, исторія Царства Сына Божія. Духъ Святый самое объединеніе, всемирное собирание для всеобщаго воскрешенія. Царство Сына должно стать Царствомъ Духа Святаго. Второй Римъ не выполнилъ своей задачи, но онъ передалъ дѣло всеобщаго собирания и воскрешенія Риму Третьему—Москвѣ: истинное христіанство въ русскомъ Православіи...

С. Голованенко.

1) Философія общаго дѣла (т. 1) 11 .